

УДК 343.2

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(4).442-455

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ПРИЗНАКИ ДЛЯЩЕГОСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

К.В. Ображиев*Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

22 июня 2021 г.

Дата принятия в печать

15 августа 2021 г.

Дата онлайн-размещения

10 сентября 2021 г.

Ключевые слова

Длющееся преступление; сложные
единичные преступления;
преступное состояние; квалификация
преступлений

Аннотация. На основании проведенного исследования выделены отличительные признаки длящегося преступления: 1) длящееся преступление непрерывно осуществляется, будучи уже юридически оконченным, вплоть до фактического завершения; 2) длящееся деяние имеет сложную, двухэлементную структуру: первым элементом объективной стороны длящегося преступления выступает действие или бездействие, посредством которого виновное лицо юридически завершило преступление, а вторым элементом выступает последующее непрерывно осуществляемое поведение, которое как бы «растягивает» объективную сторону длящегося преступления во времени; 3) длящееся преступление оказывает непрерывное деструктивное воздействие на объект уголовно-правовой охраны, причем длительная деформация объекта осуществляется за счет совершения самого деяния, а не причиненных им последствий; 4) совершая длящееся преступление, лицо сохраняет сознательно-волевой контроль над деянием после его юридического окончания, регулирует свое поведение, управляет процессом причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны, что позволяет признать лицо действующим (бездействующим) в уголовно-правовом смысле; 5) длящимся может быть только преступление с формальной конструкцией состава.

В своей совокупности вышеизложенные признаки длящегося преступления могут служить надежными критериями для определения хронологических границ конкретных преступных деяний, ключом к разрешению теоретических споров и правоприменительных проблем, связанных с возможностью отнесения того или иного деяния к категории длящихся.

В статье подчеркивается, что непрерывность длящегося преступления нельзя объяснять сквозь призму теории длящегося преступного состояния. Такая трактовка длящегося преступления, распространенная в отечественной и зарубежной науке, противоречит устоявшимся постулатам классического теоретического учения о преступлении. Длющимся преступлением можно признать только деяние в форме действия или бездействия, но не состояние, положение, статус. Исходя из этого автор критически оценивает ст. 210.1 УК РФ, предусматривающую ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

Объективная сторона длящегося преступления имеет следующие проявления: 1) длящееся преступное бездействие; 2) преступление, юридически завершенное действием, и длящееся в форме бездействия; 3) длящееся действие. На этом основании автор констатирует, что характеристика длящегося преступления, содержащаяся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 (в ред. постановления Пленума от 14 марта 1963 г. № 1), требует уточнения.

LEGAL NATURE AND FEATURES A CONTINUING CRIME

Konstantin V. Obrazhiev*University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation*

Article info

Received

2021 June 22

Accepted

2021 August 15

Available online

2021 September 10

Keywords

Continuing crime; complex isolated
crimes; criminal status; qualification
of crimes

Abstract. The author singles out constituent features of a continuing crime: 1) a continuing crime, although legally completed, is happening continuously until its actual completion; 2) a continuing action has a complex two-element structure: the first element of the objective side of a continuing crime is the action or inaction of the guilty person that legally constitutes a crime, and the second element is the subsequent continuous behavior that «stretches» the objective side of the continuing crime in time; 3) a continuing crime is producing a non-stop destructive effect on the object of criminal law protection, and the long-term deformation of this object happens because of the action itself, not the consequences caused by it; 4) by committing a continuing crime, the person preserves conscious control over the action after its legal completion, regulates his behavior, controls the process of inflicting harm on the object of criminal law protection, which makes it possible to recognize the person as

active (non-active) in the criminal law sense; 5) only a crime with a formal construct of *corpus delicti* can be continuing.

The abovementioned features together could act as reliable criteria for determining the chronological boundaries of specific criminal actions, as a key to resolving theoretical disputes and law enforcement problems connected with classifying a certain action as continuing.

The article stresses that the permanent character of a continuing crime cannot be explained through the prism of the theory of a continuing criminal condition. Such an interpretation of a continuing crime, common in Russian and foreign research, contradicts the established tenets of the classical theory of crime. Only an act in the form of action or inaction can be recognized as a continuing crime, but not a state, situation, or status. Based on this, the author gives a critical assessment of Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation that provides for the liability for holding the highest position in a criminal hierarchy.

The objective side of a continuing crime has the following manifestations: 1) continuing criminal inaction; 2) a crime legally completed by an action, and continuing through inaction; 3) continuing action. Based on this, the author states that the description of a continuing crime contained in the Decree of the Plenary Session of the Supreme Court of the USSR of March 4, 1929 No. 23 (edition of the Decree of the Plenary Session of March 14, 1963, No. 1) should be specified.

1. Отечественная уголовно-правовая доктрина оперирует понятием «длящееся преступление» свыше полутора веков, а законодательная регламентация соответствующих деяний имеет еще более давнюю историю. В ст. 162 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержалась оговорка относительно исчисления сроков давности за «беспрерывно продолжающиеся преступления», которые в теории уголовного права получили наименование длящихся преступлений. В частности, в ст. 162 Уложения указывалось, что «сила постановлений о давности не распространяется на вину перешедших из церкви православной в другое, хотя и пользующееся свободой богослужения в России, христианское вероисповедание, и тем менее еще на преступление отпадших вовсе от веры христианской, как *беспрерывно продолжающееся*, доколь они не обратились к долгу. На сем же основании давность не распространяется и на вступивших заведомо в противозаконный брак, и на виновных в присвоении себе не принадлежащих им состояния, должности, чина, ордена, почетного титула или имени, а также на лиц, уклонившихся от воинской повинности» (здесь и далее в цитатах курсив наш. — К. О.).

Тем не менее накопленные к настоящему моменту научные знания о длящемся преступлении нельзя признать достаточными. Они весьма фрагментарны, противоречивы и поверхностны. В современной правовой науке длящиеся преступления исследуются преимущественно в прикладном, правоприменительном аспекте:

активно обсуждаются проблемы установления момента юридического и фактического окончания длящегося преступления и его частных разновидностей, выбора применимого уголовного закона, особенности исчисления сроков давности за длящиеся преступления и т.д. При этом на периферии исследований остаются теоретические вопросы, связанные с сущностью длящегося преступления, его уголовно-правовой природой, хотя многие из этих вопросов до сих пор не получили удовлетворительного решения.

В процессе оживленной полемики, разгоревшейся в 2018–2019 гг. в ходе подготовки нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о налоговых преступлениях, неожиданно выяснилось, что теория уголовного права не может предложить практике четкие и понятные критерии, на основании которых можно констатировать длящийся характер преступления. Об этом свидетельствуют и дискуссии относительно временной протяженности объективной стороны других преступлений — злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, публичных призывов к противоправным действиям, побега, использования заведомо подложного документа. Одни специалисты признают их простыми одноактовыми преступлениями, другие считают их длящимися, причем такой же «разнобой» наблюдается и в правоприменительной практике.

Полярность подходов приводит к неутешительному выводу: мы не вполне ясно понимаем природу длящегося преступления и не можем четко идентифицировать его. Очевидно, что

этот пробел требует восполнения, что и побудило нас к публикации настоящей статьи.

2. Из постановления Пленума Верховного Суда СССР «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» от 4 марта 1929 г. № 23 (в ред. постановления Пленума от 14 марта 1963 г. № 1) нам известно, что длящиеся преступления «характеризуются непрерывным осуществлением состава определенного преступного деяния». Теория уголовного права вносит важное уточнение в процитированное постановление Пленума, подчеркивая, что длящееся преступление непрерывно осуществляется, будучи уже юридически оконченным [1, с. 221; 2, с. 93; 3, с. 31; 4, с. 152, 320]. С учетом этого уточнения в доктрине констатируется, что при совершении длящегося преступления преступное деяние *непрерывно осуществляется после его юридического окончания вплоть до фактического завершения* [5, с. 64–65; 6, с. 229].

В уголовно-правовой науке XIX столетия непрерывность совершения длящегося преступления объяснялась возникновением определенного «преступного состояния», в котором пребывает виновный после юридического окончания деяния вплоть до его фактического завершения. Как отмечал А. фон-Резон, преступления, названные в ст. 162 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., «хотя и признаются совершившимися (т.е. юридически оконченными. — К. О.), коль скоро виновный совершил одно известное действие, т.е. перешел в другое христианское вероисповедание, отпал от христианской веры, вступил в противозаконный брак, присвоил себе не принадлежащее состояние и т.д., — но совершением одного этого действия не оканчиваются; напротив, после его совершения начинается, как необходимый и неотразимый результат, непрерывно продолжающееся противозаконное или *преступное состояние или положение виновного*». На этом основании А. фон-Резон заключает, что «под преступлениями (беспрерывно) продолжающимися или длящимися... следует понимать те преступления, которые хотя и совершаются одним определенным действием, так что преступник уже за одно действие подлежит наказанию, как за совершенное преступление, однако совершением этого действия не оканчиваются, а длятся, продолжают в том отношении, что подсудимый остается в том преступном состоянии, которое он создал своим преступным дей-

ствием, — и оканчиваются лишь окончанием сего состояния» [7, с. 8–9].

В дореволюционной уголовно-правовой науке изложенный подход к объяснению непрерывности длящегося преступления через «преступное состояние» получил широкое признание. Его отстаивали Л.Е. Владимиров, Н.Д. Сергеевский, Н.С. Таганцев, Г.Е. Колоколов, Л.С. Белогриц-Котляревский, С.В. Познышев (подробный обзор их представлений о природе длящегося преступления см.: [8]).

Подобные представления о длящихся преступлениях практически без изменений были восприняты и советской теорией уголовного права. Более того, они получили отражение в разъяснениях высшей судебной инстанции Советского государства. В первоначальной редакции постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 разъяснялось, что длящееся преступление — это действие, «влекущее за собой *непрерывно осуществляемое преступное состояние* или же длительное не совершение действий, требуемых законом под страхом уголовного преследования».

Эта позиция высшей судебной инстанции изменилась лишь в 1963 г., чему во многом способствовала обоснованная критика со стороны представителей уголовно-правовой науки. В частности, В.Н. Кудрявцев указывал, что «в действительности длящиеся преступления и «преступное состояние» не имеют между собой ничего общего. ...Советскому уголовному праву неизвестна ответственность за «преступное» или «опасное» состояние. По нашему законодательству, которого строго придерживается и судебно-прокурорская практика, вменяется в вину всегда совершение (или не совершение) конкретных действий, имеющих четкие юридические признаки, ограниченных во времени и пространстве. Иное понимание этого вопроса неизбежно повело бы к нарушению основ социалистической законности» [2, с. 94].

3. Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1963 г. № 1 были внесены изменения в постановление Пленума от 4 марта 1929 г. № 23. В новой редакции указанного постановления Пленума, действующей до настоящего времени, длящееся преступление определяется уже без упоминания о преступном состоянии как «действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования».

Тем не менее многие представители уголовно-правовой науки до сих пор воспринимают длящееся преступление как некое преступное состояние виновного: «Лицо, виновное в длящемся преступлении, пребывает в определенном преступном состоянии в течение более или менее продолжительного промежутка времени» (А.С. Эктон) [9, с. 33]; «Длящееся преступление носит не одномоментный характер, а является преступным состоянием» (Д.С. Чикин) [10, с. 148–150]; для длящегося преступления характерна «непрерывность осуществления преступного деяния, образующая своеобразное преступное состояние» (В.Г. Шумихин) [11]; «Длящимся является преступление, которое начинается с акта противоправного действия или бездействия и, не оканчиваясь этим моментом, непрерывно осуществляется, образуя «преступное состояние» лица» (Т.Г. Черненко) [12, с. 121]; «В длящемся преступлении все действия, составляющие его объективную сторону, к моменту юридического окончания преступления уже совершены, и преступное состояние виновного может длиться достаточно долгое время без каких-либо иных уголовно-противоправных действий со стороны виновного» (Д.М. Молчанов) [13, с. 752]; «Длящееся преступление — совершение действия или бездействия, сопряженного с последующим длительным наличием преступного состояния» (А.В. Корнеева) [14].

Такая трактовка длящегося преступления, распространенная, кстати, и в зарубежной науке [15], явно противоречит устоявшимся постулатам классического теоретического учения о преступлении и действующему уголовному законодательству. Доктрина уголовного права исходит из того, что общественно опасное деяние имеет только две формы — действие и бездействие. Это аксиоматичное положение зафиксировано и в УК РФ (ч. 1 ст. 5, ч. 2 ст. 9, ч. 2 ст. 14, ч. 2 ст. 17, ч. 3 ст. 20, ч. 1 ст. 21 и др.). А потому *длящимся преступлением можно признать только деяние в форме действия или бездействия, но не состояние, положение, статус.*

С точки зрения теории преступного состояния «в длящемся преступлении все действия, составляющие его объективную сторону, к моменту юридического окончания преступления уже совершены, и преступное состояние виновного может длиться достаточно долгое время без каких-либо иных уголовно-противоправных действий со стороны виновного» [13, с. 752]; «Лицо, однажды совершив действие (бездей-

ствие), *более ничего не совершает (!)*, но, тем не менее, постоянно пребывает в общественно опасном, так сказать, «преступном состоянии» [16]. Но если это действительно так, то основанием уголовной ответственности за длящееся преступление придется признать то самое преступное состояние, в котором якобы пребывает виновный, что очевидно противоречит предписаниям ст. 8 УК РФ.

Возможно, сторонники критикуемой теории будут утверждать, что основанием уголовной ответственности в этом случае выступает не преступное состояние виновного, а первоначальное деяние, которым юридически окончен длящийся деликт. Но такое объяснение нельзя признать удовлетворительным, ведь уголовная ответственность возлагается на виновного не только за первоначальное деяние, но и за вторую часть длящегося преступления, протяженную во времени. Именно вторая составная часть объективной стороны длящегося преступления служит отправной точкой для исчисления срока давности привлечения к уголовной ответственности, для применения нового уголовного закона, вступившего в силу после юридического окончания длящегося преступления, но до его фактического завершения.

Более того, в некоторых случаях второй элемент объективной стороны длящегося преступления вообще становится единственным, по крайней мере в юридическом смысле. Так, если 15-летний подросток разместил для хранения в тайнике незаконно приобретенное огнестрельное оружие, где хранил его в течение двух лет вплоть до обнаружения правоохранительными органами, то первоначальное общественно опасное действие в виде сокрытия оружия в тайнике с точки зрения уголовного закона будет считаться ничтожным, поскольку лицо не достигло возраста уголовной ответственности. Уголовно-правовое значение здесь имеет лишь второй элемент объективной стороны длящегося преступления, а точнее, та его часть, которая осуществлялась с момента достижения подростком 16-летнего возраста. И этого второго элемента вполне достаточно для привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 222 УК РФ за незаконное хранение огнестрельного оружия. Подобная квалификация длящегося преступления не нарушает положений ст. 8 УК РФ, поскольку основанием уголовной ответственности здесь выступает длящееся действие. Если же вслед за сторонниками критикуемой теории

признать, что после совершения первоначального деяния лицо более ничего не делало в уголовно-правовом смысле, а лишь пребывало в «состоянии хранения», то обосновать возложение уголовной ответственности невозможно, не нарушая предписаний ст. 8 УК РФ.

4. Итак, теория длящегося преступного состояния идет вразрез с концептуальными началами современного уголовного права. Тем не менее она демонстрирует удивительную живучесть, причем «живет» она не только в умах теоретиков права, но и в правоприменительной практике и даже в законодательстве.

Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ в УК РФ была включена ст. 210.1, предусматривающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, не предполагает самостоятельного деяния. Конечно же, чтобы занять высшее положение в преступной иерархии, необходимо сделать «криминальную карьеру», своими преступными деяниями заслужить авторитет в криминальном мире. Но все эти деяния находятся за рамками объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, и требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки. Решение «короновать» преступного авторитета, наделить его негласным статусом «вора» принимается другими лицами. Получается, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, выражается в том, что лицо находится в определенном состоянии, является носителем высшего криминального статуса в преступной иерархии. А значит, приходится признать, что ст. 210.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за преступное состояние, за криминальный статус субъекта [17; 18].

Отдельные представители науки предпринимали попытки «примирить» ст. 210.1 УК РФ с законодательным определением преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ) и положениями об основании уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), т.е. истолковать диспозицию ст. 210.1 УК РФ таким образом, чтобы найти в ней какое-то деяние [19; 20]. Однако правоприменительные органы воспринимали ст. 210.1 УК РФ буквально, в полном соответствии с замыслом инициаторов включения этой нормы в уголовный закон, применяя ее к лицам, наделенным соответствующим криминальным статусом, лишь по факту наличия самого статуса. Показательной в этом отноше-

нии можно считать позицию Второго кассационного суда общей юрисдикции: «Из диспозиции ст. 210.1 УК РФ следует, что данная норма уголовного закона преступным признает сам факт занятия обвиняемым высшего положения в преступной иерархии и не требует от лица соучастия в любой форме в каком-либо ином преступлении, совершения действий по организации, планированию, руководству преступной деятельностью, как не содержит иных обязательных условий для предъявления обвинения по ст. 210.1 УК РФ» (кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 1 апреля 2021 г. № 77-866/2021).

Таким образом, в правоприменительной практике преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ, признается длящимся, а основанием уголовной ответственности становится сам криминальный статус лица, в том числе полученный до введения ст. 210.1 в УК РФ (см.: апелляционный приговор Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 2 июня 2021 г. № 55-357/2021). Очевидно, что это несовместимо с принципами уголовного права и иными отправными уголовно-правовыми нормами (ст. 8, 14 УК РФ). Попутно отметим, что конструкция длящегося преступного состояния, заложенная в ст. 210.1 УК РФ, позволяет многократно привлекать обладателя соответствующего статуса к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ, причем не только после отбытия назначенного наказания, но и в процессе его исполнения (по правилам совокупности приговоров), ведь после осуждения по ст. 210.1 УК РФ лицо не прекращает занимать высшее положение в преступной иерархии.

Прогнозы, как известно, дело неблагоприятное. Тем не менее рискнем предположить, что ст. 210.1 УК РФ просуществует недолго — до первого обращения в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на неконституционность этой нормы или с запросом о ее соответствии Основному закону.

5. Согласовать конструкцию длящегося преступления с постулатами уголовно-правового учения о преступлении и сохранить ее в рамках конституционного поля можно только в том случае, если рассматривать длящееся преступление не как некое криминальное состояние, а как преступное деяние.

При этом нужно понимать, что длящееся деяние имеет сложную, двухэлементную структуру. Первым элементом объективной стороны

длящегося преступления выступает действие или бездействие, посредством которого виновное лицо юридически завершило преступление (например, поместило оружие в тайник, незаконно проникло в чужое жилище, в течение двух месяцев не выполняло обязанность по выплате заработной платы). А вторым элементом выступает последующее непрерывно осуществляемое поведение, которое как бы «растягивает» объективную сторону длящегося преступления во времени [21].

Из действующей редакции постановления Пленума от 4 марта 1929 г. № 23 следует, что длящееся преступление, начавшись действием или бездействием, *далее осуществляется исключительно в форме бездействия*, которое описывается как «длительное невыполнение обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования». Однако определение, сформулированное Пленумом Верховного Суда СССР, не учитывает, что вторая часть длящегося преступления может выражаться в непрерывном осуществлении активных действий. В качестве примера можно привести незаконные ношение или перевозку огнестрельного оружия. Начав ношение или перевозку оружия активными действиями, виновный после юридического окончания преступления непрерывно осуществляет те же действия вплоть до фактического их завершения. В бездействие указанные действия не перерастают, поскольку никакой обязанности действовать определенным образом у виновного ни до начала ношения или перевозки оружия, ни в процессе указанных действий не возникает.

Другим примером длящегося действия может являться похищение человека или незаконное лишение свободы. После того как виновный стал удерживать похищенного или ограничил потерпевшего в передвижении без законных на то оснований (например, закрыв его в подвале), т.е. юридически окончил преступление, его действия не перерастают в преступное бездействие. Юридической обязанности освободить потерпевшего у него не возникает, а потому дальнейшее поведение лица, совершившего юридически оконченное преступление, предусмотренное ст. 126 или 127 УК РФ, нельзя характеризовать как длительное невыполнение обязанности, т.е. бездействие. Эти преступления непрерывно длятся в форме действия.

Приведенные примеры (а их перечень можно продолжать очень долго) убеждают в

том, что характеристика длящегося преступления, содержащаяся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 (в ред. постановления Пленума № 1 от 14 марта 1963 г.), требует уточнения.

6. Объективная сторона длящегося преступления имеет следующие проявления.

Длящееся преступное бездействие. Такое преступление начинается с бездействия, юридически оканчивается в форме бездействия и длится на стадии юридически оконченного преступления в той же пассивной форме. В качестве примера можно привести невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ), злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ), уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ), несообщение о преступлении (ст. 205.6 УК РФ), уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера (ст. 314 УК РФ), неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ), уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы (ст. 328 УК РФ).

Преступление, юридически завершенное действием и длящееся в форме бездействия. Характерным примером может служить дезертирство (ст. 338 УК РФ), которое юридически оканчивается действием в виде самовольного оставления части (места службы) с целью навсегда уклониться от исполнения обязанностей военной службы, а далее длится в форме бездействия (невыполнения соответствующих обязанностей) вплоть до явки с повинной, задержания виновного или отпадения у него обязанностей по прохождению военной службы (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» от 3 апреля 2008 г. № 3).

К рассматриваемой разновидности длящегося преступления можно отнести побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ) (см.: постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2004 г. по делу № 586п04пр; определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2005 г. № 67-о05-28). Начиная

ется и юридически оканчивается это преступление в форме активного действия (собственно побега), а длится в форме преступного бездействия — уклонения от обязанности отбыть наказание, соблюдать правоограничения, наложенные в связи с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу.

Длющееся действие. Длющееся преступление, начатое действием, продолжает совершаться в юридически оконченном состоянии в той же активной форме до того момента, пока не будет фактически прекращено. В длящихся преступлениях подобного типа пролонгированный характер действия достигается, как правило, за счет использования различного рода механизмов, приспособлений, технических устройств, сил природы, социальных институтов. Например, при похищении человека и незаконном лишении свободы непрерывность действия обеспечивается за счет связывания потерпевшего, его заперения в подвале, гараже, ином помещении; клевета, публичные призывы к террористической деятельности приобретают длящийся характер благодаря размещению соответствующей информации в сети Интернет; при заведомо незаконном содержании под стражей (ст. 301 УК РФ) преступное действие становится длящимся в результате применения уголовно-процессуального принуждения и обеспечивающих его государственных институтов; незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (ст. 231 УК РФ), может проявляться в их выращивании, которое становится длящимся благодаря целенаправленному использованию сил и законов природы.

Следует подчеркнуть, что вышеперечисленные разновидности длящегося преступления полностью укладываются в концепцию преступления как деяния. Однако, как уже отмечалось, недавно в действующем уголовном законодательстве получила «прописку» еще одна разновидность длящегося преступления, основанная на теории длящегося преступного состояния (ст. 210.1 УК РФ). Повторим, что эта конструкция противоречит концептуальным началам уголовного законодательства, а потому остается надеяться, что эта «прописка» окажется кратковременной.

7. В уголовно-правовой науке отмечается, что «признаком длящегося преступления выступает непрерывность негативного воздействия на объект преступления. Общественные отно-

шения, поставленные под охрану, непрерывно нарушаются в течение всего времени осуществления длящегося преступления. Так, при совершении незаконного хранения огнестрельного оружия с момента его начала и до момента его окончания происходит деформация отношений общественной безопасности, эти отношения подвергаются непрерывному преступному воздействию» [22, с. 208].

Однако этот в целом верный тезис требует определенного уточнения. Дело в том, что длительное деструктивное воздействие на объект уголовно-правовой охраны могут оказывать не только длящиеся преступные деяния, но и некоторые одноактовые преступления с пролонгированными последствиями. К числу последних можно, в частности, отнести умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ), подмену ребенка (ст. 153 УК РФ), незаконное усыновление (удочерение) (ст. 154 УК РФ) и др. Эти преступления на протяжении длительного времени, которое может исчисляться десятилетиями, оказывают негативное воздействие на здоровье потерпевшего, интересы семьи и несовершеннолетних. Но от этого они не становятся длящимися.

Разграничивая длящиеся преступления и одноактовые преступления с длящимися (пролонгированными) последствиями, необходимо учитывать следующие обстоятельства:

- при совершении одноактового преступления с пролонгированными последствиями негативное воздействие на объект уголовно-правовой охраны «растягивается» во времени за счет причиненного преступлением вреда, а при длящемся преступлении пролонгированным характером обладает само преступное деяние;

- осуществляя непрерывное деструктивное воздействие на объект уголовно-правовой охраны, субъект длящегося преступления все это время ведет себя преступно, тогда как в одноактовых преступлениях с длящимися последствиями продолжительная деформация объекта не сопровождается преступным поведением виновного (оно после наступления последствий завершено) [23, р. 661]. Подчеркивая это различие, А.В. Корнеева пишет, что лицо «при совершении кражи (ст. 158 УК РФ) при изъятии имущества и обращении его в свою пользу с получением возможности распорядиться имуществом... больше не ведет себя противоправно, не совершает новых противоправных деяний.

...При злостном уклонении от уплаты средств на содержание детей (ст. 157 УК РФ) лицо ведет себя противоправно в течение всего периода наличия обязанности уплачивать алименты... При похищении человека (ст. 126 УК РФ) лицо ведет себя противоправно... весь период удержания потерпевшего живым» [14];

– при длящемся преступлении негативное воздействие на объект уголовно-правовой охраны синхронизировано с непрерывно осуществляемым деянием — объект «страдает», пока преступное деяние фактически не завершено (пока хранится оружие, удерживается заложник, осуществляется уклонение от уплаты обязательных платежей и т.п.). А при одноактовых преступлениях с пролонгированными последствиями негативное воздействие на объект совпадает во времени не с деянием, а с его последствиями — объект испытывает деформацию после фактического завершения деяния (после совершения насильственных действий, причинивших тяжкий вред здоровью, после подмены ребенка, после противоправного и безвозмездного завладения чужим имуществом).

8. Обязательный признак длящегося преступления — наличие сознательно-волевого контроля над деянием после его юридического окончания. Совершая длящееся преступление, лицо регулирует свое поведение, контролирует процесс причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны. Именно наличие сознательно-волевого контроля дает основания для того, чтобы признать лицо действующим (бездействующим) в уголовно-правовом смысле, т.е. совершающим преступное деяние [24]. Как только этот контроль утрачен, лицо перестает совершать деяние.

Сознательно-волевой контроль субъекта над длящимся деянием может иметь разные проявления, различающиеся по степени интенсивности. При совершении длящегося бездействия, равно как и при смешанной разновидности длящегося преступления (юридически оконченного в форме действия и длящегося в форме бездействия), сознательно-волевой контроль над деянием выражается в наличии реальной возможности инициативно прекратить соответствующее бездействие, т.е. выполнить обязанность, от которой лицо уклонялось (например, уплатить обязательные платежи, вернуться в воинскую часть, из которой лицо дезертировало, или в исправительное учреждение, из которого был совершен побег).

В случае совершения длящегося преступного действия потенциал сознательно-волевого контроля над деянием более широк: лицо может не только прекратить соответствующее действие (добровольно сдать или незаконно сбыть незаконно хранимые предметы, добровольно освободить похищенного), но и скорректировать, модифицировать действие, изменить способ или место его совершения (например, переместить заложника в другое помещение, перепрятать незаконно хранящиеся наркотики).

Максимально возможный уровень сознательно-волевого контроля наблюдается при наличии у лица возможности прекратить или изменить длящееся деяние «здесь и сейчас» личными физическими усилиями. Полным сознательно-волевым господством над длящимся деянием обладает, в частности, террорист, удерживающий заложников, поскольку в любой момент времени он может освободить их или убить.

При незаконном хранении предметов, ограниченных в обороте (огнестрельного оружия, наркотиков и т.п.), интенсивность сознательно-волевого контроля над длящимся деянием снижается по мере отдаленности виновного от места хранения. Если лицо, постоянно проживающее в г. Москве, хранит огнестрельное оружие на даче в Тульской области, то оно, конечно же, не может управлять длящимся хранением оружия в физическом смысле (достать оружие из тайника, использовать его, переместить в другое место — для этого необходимо прибыть к месту хранения). Тем не менее лицо признается действующим в уголовно-правовом смысле, поскольку сохраняет «информационный» контроль над деянием (знает, где хранится оружие), что позволяет ему распоряжаться незаконно хранящимся оружием, причем даже дистанционно. В частности, незаконный владелец оружия может добровольно сдать его, проинформировав сотрудников полиции о факте и месте его хранения, осуществить незаконный сбыт оружия, договорившись с приобретателем и сообщив ему местонахождение оружия.

В некоторых случаях признак сознательно-волевого контроля приобретает решающее значение при определении хронологических границ преступного деяния. Если сразу же после совершения преступного деяния лицо утратило сознательно-волевой контроль над ним, не управляет этим деянием, такое деяние следует признать одноактовым, а не длящимся.

Например, если виновный выразил призыв к террористической деятельности в вербальной форме в ходе общественного мероприятия, то это простое, одноактовое преступление, оконченное юридически и фактически с момента публичного провозглашения соответствующего призыва [25]. В этом случае лицо сразу же прекратило действовать, завершило воздействие на объект уголовно-правовой охраны.

Если же виновный осуществил призывы к террористической деятельности на своей странице в социальной сети, то преступление приобретает длящийся характер. В таком случае призывы за счет осознанного использования общедоступного информационного ресурса оказывают непрерывное негативное воздействие на общественную безопасность, причем это воздействие находится под сознательно-волевым контролем виновного, ведь он располагает возможностью удалить свой пост с призывами или свою страницу в социальной сети и тем самым завершить преступное действие. Наличие сознательно-волевого контроля над своим деянием, возможности управлять процессом причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны дает основание для того, чтобы признать виновного непрерывно действующим.

9. Длящимся может быть только преступление с формальной конструкцией состава. При совершении преступлений с материальным составом после их юридического окончания, т.е. после наступления общественно опасных последствий, лицо уже не выполняет объективную сторону преступления, не совершает деяния. И хотя последствия преступления с материальным составом могут длиться достаточно долго (повреждение имущества, временная утрата трудоспособности), причинитель вреда уже лишен сознательно-волевого контроля за развитием объективной стороны преступления. Он может лишь возместить или компенсировать причиненный вред.

Поэтому нельзя не согласиться с мнением о длящейся природе такого преступления, как неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ). Как справедливо указывает С.А. Силаев, «по смыслу ст. 124 УК РФ неоказание помощи больному представляет собой простое бездействие, не имеющее длящегося характера: сколь долго ни уклонялся бы врач от выполнения своего профессионального долга, его поведение не имеет уголовно-правового значения до тех пор, пока не наступит последствие в виде

средней тяжести или тяжкого вреда здоровью либо смерти потерпевшего; с наступлением же любого из перечисленных последствий деяние окажется оконченным как юридически, так и фактически» [26, с. 149].

10. В своей совокупности вышеизложенные отличительные признаки длящегося преступления могут служить надежными критериями для определения хронологических границ конкретных преступных деяний, ключом к разрешению теоретических споров и правоприменительных проблем, связанных с возможностью отнесения того или иного деяния к категории длящихся.

Попытаемся применить этот «ключ», чтобы получить ответ на вопрос о юридической природе уклонения от уплаты налогов, сборов и страховых взносов. Данный вопрос вызвал острую полемику в ходе подготовки нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о налоговых преступлениях. В первоначальном проекте постановления Пленума, вынесенном на обсуждение, были сформулированы разъяснения о длящемся характере уклонения от уплаты налогов (абзац 3 п. 3 проекта), однако затем их исключили из итогового текста. Участникам рабочей группы по разработке соответствующего постановления Пленума, в том числе и автору настоящей статьи, хорошо известно, что это решение продиктовано уголовно-политическими соображениями. Однако если отвлечься от них и перевести обсуждаемый вопрос из сферы уголовной политики в прикладную уголовно-правовую плоскость, то придется констатировать, что уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов соответствует всем признакам длящегося преступления:

– после фактической неуплаты налогов, сборов, страховых взносов в срок, установленный законодательством о налогах и сборах, т.е. с наступлением момента юридического окончания преступления, предусмотренного ст. 198 или 199 УК РФ, виновный непрерывно продолжает свое преступное бездействие. Истечение срока уплаты налогов, сборов, страховых взносов не снимает с виновного обязанности уплатить соответствующие платежи (ч. 3 ст. 44 НК РФ содержит перечень оснований прекращения обязанности по уплате налога и (или) сбора), вследствие чего преступное бездействие непрерывно продолжается, растягивается во времени вплоть до того момента, пока эта обязанность не будет прекращена (например, в результате уплаты налога);

– уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов оказывает непрерывное негативное воздействие на объект уголовно-правовой охраны. Пленум Верховного Суда Российской Федерации верно отмечает, что общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов, т.е. умышленного невыполнения конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы, заключается в непоступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации (п. 1 постановления от 26 ноября 2019 г. № 48). Очевидно, что после юридического окончания преступления (истечения срока уплаты налогов, сборов, страховых взносов) вредоносное воздействие на бюджетную систему непрерывно длится;

– лицо, уклоняющееся от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, сохраняет полный сознательно-волевой контроль над своим бездействием, управляет им, поскольку имеет возможность инициативно прекратить бездействие, выполнив обязанность по уплате соответствующих платежей. С утратой такого контроля (например, вследствие увольнения лица с должности руководителя организации-налогоплательщика) преступное бездействие виновного завершается;

– уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов по своей природе и механизму совершения ничем не отличается от других преступлений, выражающихся в уклонении от уплаты обязательных платежей, которые в теории и правоприменительной практике признаются длящимися. В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» от 25 декабря 2018 г. № 46 разъясняется, что сроки давности уголовного преследования за невыплату заработной платы исчисляются с момента ее фактического окончания, в частности со дня погашения задолженности, увольнения виновного лица или временного отстранения его от должности (в последних двух случаях лицо утрачивает сознательно-волевой контроль над деянием). Таким образом, Пленум обоснованно признал, что после юридического окончания преступления (а этот момент так же, как и в случае с налоговыми преступлениями, привязан к конкретному сроку) обязанность по выплате

заработной платы не исчезает, вследствие чего преступное бездействие лица, выраженное в невыполнении этой обязанности, приобретает длящийся характер.

Исходя из этого уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов необходимо отнести к числу длящихся преступлений [27, с. 45; 28; 29, с. 76]. Причем данное обстоятельство желательно зафиксировать в предметном постановлении Пленума, что позволит устранить существующую правовую неопределенность относительно хронологических границ соответствующих преступлений.

11. Далее попытаемся оценить сквозь призму выделенных нами признаков длящегося преступления еще одно преступное деяние — использование заведомо подложных документов. На протяжении долгих лет высшая судебная инстанция считала данное преступление одноактовым, т.е. оконченным юридически и фактически в момент предъявления заведомо подложного документа. Однако сравнительно недавно Верховный Суд Российской Федерации пересмотрел этот подход и признал использование заведомо поддельного (подложного) документа длящимся преступлением. Соответствующая правовая позиция была отражена в решении по конкретному делу, а затем зафиксирована в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 17 декабря 2020 г. № 43. В п. 11 названного постановления разъясняется, что использование заведомо поддельного (подложного) документа, указанного в ч. 3 и 5 ст. 327 УК РФ, квалифицируется как оконченное преступление с момента его представления с целью получения прав или освобождения от обязанностей независимо от достижения данной цели. Если представленный лицом с указанной целью заведомо поддельный (подложный) документ и в дальнейшем использовался для получения прав или освобождения от обязанностей в течение определенного периода (например, при трудоустройстве и в период последующей работы в организации), то предусмотренные ст. 78 УК РФ сроки давности уголовного преследования за такое преступление следует исчислять с момента фактического прекращения использования поддельного (подложного) документа, в том числе в результате пресечения деяния.

Обоснованность отнесения использования заведомо поддельного (подложного) документа к числу длящихся преступлений вызывает серьезные сомнения, поскольку:

– в том же постановлении Пленума использование заведомо поддельного (подложного) документа определено как простое одноактовое деяние: под ним предложено понимать представление заведомо поддельного (подложного) документа по собственной инициативе или по требованию уполномоченных лиц и органов в соответствующее учреждение либо должностному лицу, иным уполномоченным лицам в качестве подлинного в целях получения (подтверждения) права, а равно освобождения от обязанности (п. 10 постановления Пленума от 17 декабря 2020 г. № 43). При такой трактовке, которая полностью согласуется с доктринальным толкованием ч. 3 и 5 ст. 327 УК РФ, получение прав, освобождение от обязанностей, извлечение каких-то иных выгод, преимуществ и возможностей остаются за рамками использования заведомо поддельного (подложного) документа. Достигнутый виновным результат использования заведомо поддельного (подложного) документа — это последствие преступного деяния, которое может иметь пролонгированный характер (например, поступление в вуз, трудоустройство на основании поддельных документов). Однако от этого само деяние не становится длящимся — оно заканчивается юридически и фактически в момент представления заведомо поддельного (подложного) документа;

– даже при наличии пролонгированных последствий виновное лицо сразу же после представления заведомо поддельного (подложного) документа утрачивает сознательно-волевой контроль над развитием объективной стороны преступления, более не управляет преступлением. Добровольное сообщение о совершенном преступлении, увольнение по собственному желанию с должности, занятой на основании подложного документа, может лишь прекратить наступление дальнейших вредных последствий (точно так, как и возвращение похищенного имущества восстанавливает ущерб, причиненный хищением), но на само преступное деяние подобные посткриминальные действия повлиять, конечно же, не могут, ведь оно полностью завершено после представления фальсифицированного документа;

– длящиеся последствия, причиняемые в результате использования заведомо поддельного (подложного) документа, явно выходят за

рамки объекта, охраняемого ст. 327 УК РФ. Негативное воздействие на установленный порядок документооборота заканчивается сразу же после предъявления поддельного документа, а дальше в результате наступления пролонгированных последствий причиняется вред уже иным объектам уголовно-правовой охраны. При длящемся же преступлении непрерывное деяние в течение всего времени его совершения деформирует один и тот же объект (или объекты — при совершении многообъектного длящегося преступления).

Таким образом, использование заведомо поддельного (подложного) документа для трудоустройства нельзя считать длящимся преступлением [30, с. 78–81; 31]. Вместе с тем это не означает, что данное преступление в принципе не может быть длящимся. Если заведомо поддельный документ (например, лицензия на занятие определенным видом деятельности, сертификат соответствия, свидетельство об аккредитации) размещен в открытом доступе на официальном интернет-сайте организации, обязанной в соответствии с требованиями законодательства размещать соответствующие документы в сети Интернет, то использование такого документа приобретает длящийся характер. Лицо, разместившее фальсифицированный документ для всеобщего обозрения в качестве подлинного, постоянно предъявляет его контролирующим органам, контрагентам, потребителям, оказывая тем самым непрерывное негативное воздействие на установленный порядок документооборота. При этом такое лицо сохраняет сознательно-волевой контроль над своим деянием, что позволяет признать его действующим — совершающим длящееся преступление.

12. С учетом сложности идентификации длящегося преступления, непрекращающихся доктринальных споров относительно хронологических границ многих преступных деяний, связанных с этим правоприменительных проблем в теории уголовного права высказывались предложения изложить в тексте УК РФ исчерпывающий перечень длящихся преступлений. С такой инициативой, в частности, выступил А.С. Эктов: «Анализируя нормы Уголовного Кодекса РФ, можно определить все составы длящихся преступлений. Перечень длящихся преступлений, закрепленный в законе, поможет практическим работникам правильно их квалифицировать и избежать ошибок в применении норм уголовного законодательства России» [9, с. 36].

Однако данное предложение при всей его кажущейся привлекательности реализовать невозможно. Длющееся преступление — это не законодательный конструкт, а фактически совершенное деяние. Иными словами, длящийся характер преступления кроется не в конструкции состава, а в свойствах конкретного преступного деяния [5, с. 36]. Так, незаконное собирание сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия (ч. 1 ст. 137 УК РФ) может юридически и фактически завершиться одномоментно (например, при покупке документов с компроматом), а может растягиваться во времени, т.е. иметь длящийся характер (например, если собирание соответствующей информации выражается в установке скрытой камеры в квартире потерпевшего).

Поэтому дать исчерпывающий перечень длящихся преступлений в уголовном законе не получится. Чтобы минимизировать правовую неопределенность относительно временной протяженности преступных деяний, необходимо сформулировать в УК РФ законодательное определение длющегося преступления, отразив в нем его отличительные признаки, а затем осуществить их подзаконную конкретизацию в новом постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной практике по делам о продолжаемых и длящихся преступлениях и предметных постановлениях Пленума (сеем надеяться, что наша публикация может послужить теоретической основой для этого). Располагая этим юридическим инструментарием, правоприменители смогут самостоятельно определять природу и хронологические границы конкретных деяний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон / Н.Д. Дурманов. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1967. — 319 с.
2. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Госюриздат, 1960. — 244 с.
3. Кузнецова Н. Квалификация сложных составов преступлений / Н. Кузнецова // Уголовное право. — 2000. — № 1. — С. 25–32.
4. Novoselec P. Opći dio kaznenog prava / P. Novoselec. — Zagreb, 2009. — 574 s.
5. Ображиев К.В. Сложные единичные преступления / К.В. Ображиев, Д.С. Чикин. — Москва : Юрлитинформ, 2016. — 184 с.
6. Проблемы квалификации преступлений / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. — Москва : Проспект, 2019. — 464 с.
7. Фон-Резон А. О продолжаемом преступлении / А. фон-Резон // Журнал гражданского и уголовного права. — 1875. — Кн. 1. — С. 1–50.
8. Ораздурдыев А.М. Идея преступного состояния длющегося преступления в теории русского уголовного права / А.М. Ораздурдыев // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф., Тольятти, 20–21 апр. 2017 г. В 4 т. Т. 2 : Актуальные проблемы юридической науки / отв. ред. В.А. Якушин, Г.Р. Галеева. — Тольятти, 2017. — С. 233–245.
9. Этков А.С. Уголовно-правовые вопросы оценки длющихся преступлений / А.С. Этков // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2007. — № 1. — С. 33–36.
10. Чикин Д.С. К вопросу о понятии длющегося преступления и моменте его окончания / Д.С. Чикин // Общество и право. — 2010. — № 3. — С. 148–151.
11. Шумихин В.Г. Признаки длющегося преступления / В.Г. Шумихин // Уголовное право. — 2010. — № 2. — С. 94–96.
12. Черненко Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики / Т.Г. Черненко. — Кемерово : Изд-во КемГУ, 2012. — 188 с.
13. Молчанов Д.М. Длющиеся преступления: уголовно-правовая оценка в соответствии с принципом справедливости / Д.М. Молчанов // Lex Russica. — 2011. — Т. 70, № 4. — С. 741–752.
14. Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 32 : Квалификация преступлений / под ред. В.Б. Малинина. — Санкт-Петербург : Изд. проф. Малинина, 2020. — 423 с.
15. Feller S.Z. The Classification of Crimes in Respect of Continuity / S.Z. Feller. — DOI <https://doi.org/10.1017/S0021223700017313> // Israel Law Review. — 1967. — Vol. 2, iss. 2. — P. 232–269.
16. Зинченко И.А. Субъективная сторона усложненных единичных преступлений и ее влияние на их квалификацию / И.А. Зинченко // Вісник Асоціації кримінального права України. — 2015. — № 1 (4). — С. 124–148.
17. Мондохонов А.Н. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия организованной преступности: комментарий и проблемы применения / А.Н. Мондохонов // Уголовное право. — 2019. — № 3. — С. 53–58.
18. Силаев С.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: новый вид длющегося преступления? / С.А. Силаев // Актуальные проблемы российского права на современном этапе : сб. ст. XVII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 25–26 апр. 2019 г. — Пенза, 2019. — С. 61–69.
19. Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 210.1 УК РФ) / П.А. Скобликов // Закон. — 2019. — № 11. — С. 144–152.
20. Якушева Т.В. Уголовная ответственность преступных авторитетов: новеллы законодательства / Т.В. Якушева // Уголовное право. — 2019. — № 3. — С. 85–90.
21. Jakobs G. Strafrecht. Allgemeiner Teil: die Grundlagen und die Zurechnungslehre / G. Jakobs. — Berlin : De Gruyter, 1983. — 787 S.
22. Шумихин В.Г. Конструктивные признаки длющегося преступления / В.Г. Шумихин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2010. — № 2. — С. 207–210.

23. Nissel A. Continuing Crimes in the Rome Statute / A. Nissel // *Michigan Journal of International Law*. — 2004. — Vol. 25, iss. 3. — P. 653–689.
24. Roxin C. *Strafrecht Allgemeiner Teil* / C. Roxin, L. Greco. — Munchen : C.H. Beck, 1994. — Bd. 1. — 1249 S.
25. Greenawalt K. Speech and Crime / K. Greenawalt. — DOI <https://doi.org/10.1111/j.1747-4469.1980.tb01036.x> // *American Bar Foundation Research Journal*. — 1980. — Vol. 5, iss. 4. — P. 645–785.
26. Силаев С.А. К вопросу об окончании длящегося преступления / С.А. Силаев // *Российский юридический журнал*. — 2013. — № 3. — С. 146–153.
27. Зубцов А.А. К вопросу о юридической природе уклонения от уплаты налогов, сборов и страховых взносов / А.А. Зубцов // *Уголовное право*. — 2019. — № 6. — С. 39–45.
28. Пичугина М.А. Уклонение от уплаты налогов как длящееся преступление / М.А. Пичугина // *Уголовное право*. — 2019. — № 6. — С. 74–80.
29. Черненко Т.Г. О соотношении длящихся и продолжаемых преступлений (на примере уклонения от уплаты налогов и сборов) / Т.Г. Черненко, С.А. Силаев // *Уголовное право*. — 2010. — № 4. — С. 73–78.
30. Силаев С.А. К вопросу о длящемся характере «документных» преступлений / С.А. Силаев // *Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений* : сб. науч. ст. / гл. ред. Н.В. Валуйсков. — Шахты, 2020. — С. 76–82.
31. Тюнин В.И. К вопросу об ответственности за использование заведомо подложного документа (ч. 3 ст. 327 УК РФ) / В.И. Тюнин // *Уголовное право*. — 2019. — № 4. — С. 103–110.

REFERENCES

1. Durmanov N.D. *Soviet Criminal Law*. Lomonosov Moscow State University Publ., 1967. 319 p.
2. Kudryavtsev V.N. *The Objective Side of Crime*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 244 p.
3. Kuznetsova N. Qualification of complex corpus delicti. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2000, no. 1, pp. 25–32. (In Russian).
4. Novoselec P. *Opći dio kaznenog prava*. Zagreb, 2009. 574 s.
5. Obrazhiev K.V., Chikin D.S. *Complex Isolated Crimes*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 184 p.
6. Obrazhiev K.V., Pikurov N.I. (eds.). *Issues of Crime Qualifications*. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 464 p.
7. Fon-Rezon A. On a continuing crime. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava = Journal of Civil and Criminal Law*, 1875, bk. 1, pp. 1–50. (In Russian).
8. Orazdurdyev A.M. The idea of a criminal state of the continuing crime in the theory of Russian criminal law. In Yakushin V.A., Galeeva G.R. (eds.). *Tatishchev Readings: Topical Problems of Science and Practice. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference, Tolyatti, April 20–21, 2017*. Tolyatti, 2017, vol. 2, pp. 233–245. (In Russian).
9. Ektov A.S. Criminal law aspects of assessing continuing crimes. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti = Problems of Law Enforcement Activity*, 2007, no. 1, pp. 33–36. (In Russian).
10. Chikin D.S. To the question of the concept of a continuing crime and the moment of its end. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2010, no. 3, pp. 148–151. (In Russian).
11. Shumikhin V.G. Elements of a Continuous Offence. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 3, pp. 94–96. (In Russian).
12. Chernenko T.G. *Qualification of Crimes: Questions of Theory and Practice*. Kemerovo State University Publ., 2012. 188 p.
13. Molchanov D.M. The Continuous Crimes: Criminal Estimation in Accordance with the Principle of Justice. *Lex Russica*, 2011, vol. 70, no. 4, pp. 741–752. (In Russian).
14. Malinin V.B. (ed.). *Encyclopedia of Criminal Law*. Saint-Petersburg, Malinin V.B. Publ., 2020. Vol. 32. 432 p.
15. Feller S.Z. The Classification of Crimes in Respect of Continuity. *Israel Law Review*, 1967, Vol. 2, iss. 2, pp. 232–269. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021223700017313>.
16. Zinchenko I.O. The Subjective Side of Complex Single Crimes and Its Impact on Qualification. *Visnik Asotsiatsii kriminal'nogo prava Ukraïni = Herald of the Association of Criminal Law of Ukraine*, 2015, no. 1, pp. 124–148. (In Russian).
17. Mondokhonov A.N. The Novelties of Criminal Legislation in the Sphere of Combating Organized Crime: Comments and Problems of Application. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2019, no. 3, pp. 53–58. (In Russian).
18. Silaev S.A. Occupying a Supreme Position in a Criminal Hierarchy — a New Type of Delictum Continuum? *Topical Problems of Russian Law and the Contemporary Stage. Collected Papers Based on the Materials of the 17th International Scientific and Practical Conference, Penza, April 25–26, 2019*. Penza, 2019, pp. 61–69. (In Russian).
19. Skoblikov P.A. Highest Rank in Criminal Hierarchy: a Follow-Up to Conversation on Interpretation of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Zakon = Law*, 2019, no. 11, pp. 144–152. (In Russian).
20. Yakusheva T.V. Criminal Liability of Crime Lords: Novelties of Legislation. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2019, no. 3, pp. 85–90. (In Russian).
21. Jakobs G. *Strafrecht. Allgemeiner Teil: die Grundlagen und die Zurechnungslehre*. Berlin, De Gruyter, 1983. 787 S.
22. Shumikhin V.G. Constructive Features of the On-Going Crime. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2010, no. 2, pp. 207–210. (In Russian).
23. Nissel A. Continuing Crimes in the Rome Statute. *Michigan Journal of International Law*, 2004, vol. 25, iss. 3, pp. 653–689.
24. Roxin C., Greco L. *Strafrecht Allgemeiner Teil*. Munchen, C.H. Beck, 1994. Bd. 1. 1249 S.
25. Greenawalt K. Speech and Crime. *American Bar Foundation Research Journal*, 1980, vol. 5, iss. 4, pp. 645–785. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-4469.1980.tb01036.x>.
26. Silaev S.A. To the Question of the Ending of Continuous Crime. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2013, no. 3, pp. 146–153. (In Russian).
27. Zubtsov A.A. On the Issue of Legal Nature of Evasion of Payment of Taxes, Fees and Insurance Payments. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2019, no. 6, pp. 39–45. (In Russian).

28. Pichugina M.A. Evasion of Tax Payments as a Continuous Crime. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2019, no. 6, pp. 74–80. (In Russian).

29. Chernenko T.G., Silaev S.A. Delimitation between Permanent and Continuous Offences (Example of Evasion of Taxes and Dues). *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 4, pp. 73–78. (In Russian).

30. Silaev S.A. To the question of the continuing character of «document» crimes. In Valuiskov N.V. (ed.). *Legal Science of the 21st Century: Topical Problems and Prospects of Solving them*. Shakhty, 2020, pp. 76–82. (In Russian).

31. Tyunin V.I. On the Issue of Responsibility for Use of a Deliberately Forged Document (Article 327, Part 3 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2019, no. 4, pp. 103–110. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Образжиев Константин Викторович — заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: okv79@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Obrazhiev, Konstantin V. — Head, Chair of Criminal Law Disciplines, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: okv79@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Образжиев К.В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления / К.В. Образжиев. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(4).442-455 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 4. — С. 442–455.

FOR CITATION

Obrazhiev K.V. Legal nature and features a continuing crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 442–455. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(4).442-455. (In Russian).